

Миша Лида

она же

Лидия Филиппова

"Я родилась в деревне Жаба"

Для Нины Петровны
от тёти Лиды
город Глазов
ул. Ленина д. 11б кв. 24
IV – 2007 год

Вспоминаю своё поколение.

Я родилась в деревне «Жаба» Понинского района Слудского с/совета. Ныне она относится к Глазовскому району, деревня «Гордь Яр».

В наш дом, где я родилась, был куплен мой прадед Миша, до моего рождения. Он был куплен из деревни Казаково в 5 км от посёлка Пудем. Он был русский. Фамилия его была Токарев, звали Миша. В нашем доме мужчины жили мало 30–40 лет всего, видимо, поэтому его купили.

Из нашего дома я осталась уже одна, и хорошо помню прадеда Мишу. Был высокий, статный, прямой, с белой бородой. Он был глава семьи. Занимался по хозяйству, и пчеловодством. Ульев было мало 1-3 всего, только для себя. Во время войны плёл красивые лапти. Лапти меняли на хлеб и муку. Он часто ходил в лес за грибами и ягодами, рано утром. Однажды я попросилась с ним тоже в лес. Он меня взял. Это было во время войны. Насобирали много грибов, и я очень захотела есть. Он развёл костёр, сложил туда рыжики и боровики, сверху грибы посыпал

солью. Они испеклись, и я их ела с аппетитом. Они у меня до сих пор, словно во рту. Прадед Миша подрос и женился. Жену я уже не видела, умерла до меня. Помню только, как баба-Жаба называла её «Чола-баба». Она была свекровка бабе-Жабе, а дед Миша свёкром ей. Чола-баба родила сына, звали его Фёдор. Прадед Миша умер во время войны в возрасте 81 года. Он ходил в город Глазов менять молоко на соль, а это было 16 км до Глазова. По-видимому, был голодный, дорогой ослаб. Это было недалеко уже от дома ~ не мог дальше идти. Деревенские увидели его, сказали бабе-Жабе. Она пошла к нему с носилками. Она его живого застала, и спросила: «Что ты хочешь?». Он сказал: «Горячего молока». Затем он тут же умер. Баба-Жаба с соседями на носилках принесли его домой - уже мёртвого. Похоронен он в Люме. У прадеда Миши сын Фёдор женился при жизни его. Он жену взял из деревни «Учка-Кар» «Кушман». Она была Прасковья Тимофеевна, а мы её прозвали баба-Жаба это со стороны отца моего. Она была нам бабушка, мне, Толе, т.е. брату моему и Миле, маме твоей. Мы все жили в одном доме.

Деда Фёдора я не видела уже, он умер до меня после Финской войны дома от тифа. Он был муж бабин-Жабин. В нашем доме она родила от Фёдора троих детей. Дочь Кельдышева Мария Фёдоровна. Она вышла замуж в другой дом за Якова в нашу же деревню. Она много детей родила, жили только трое. Старший сын Миша давно умер. Дочь Рая вышла замуж в

Малопургинский район, стала Юргова. Сын младший Веня живёт в Глазове со своей семьёй. Средний сын у бабы-Жабы был Кельдышев Иван Фёдорович отец твоей мамы Мили. Он был тебе дед, Он окончил два класса (в трудовой книжке написано образование среднее). Работал бухгалтером на маслозаводе в посёлке Пудем. Затем работал бухгалтером в селе Люм на маслозаводе. Во время войны он позвал нас, детей, меня, Милю и Толю к себе на работу. Это было 6 км от нас, т.е. от Жабы до Люма. Мы взяли с собой ведро и все трое пошли пешком. Пришли к нему на маслозавод, он всех нас напоил сливками. Налил всем по ковшу сливок. Пили-пили, а под конец стало приторно, я не допила. Затем пошли обратно домой. Он дал нам целое ведро творога. Мы только от него отошли, начался дождь, была сильная гроза с градом. По дороге попал сарай, покрытый соломенной крышей, мы туда спрятались. Я очень сильно испугалась, потому что сильно громыхало. И сейчас до сих пор я боюсь грозы. Дождь кончился, мы пошли домой. Донесли ведро творога до дома. Во время войны Иван был призван в трудармию, но был недолго. Он был хромой. Последние годы работал в своей деревне счетоводом, Баба-Жаба его рано женила, четырнадцатилетнего. Невесту привезли в наш дом из Балезинского района деревня «Сьёдкыр» В тот период в доме из женщин осталась одна баба-Жаба, поэтому его рано женила; Баба-Жаба говорила: «Были бы руки, ноги, научу ко всему её»

сама». У них родились две дочки. Юля и Миля. Когда Юле было 9 лет, она умерла от менингита. Умирала на моих глазах. Миля тоже жила в нашем доме. Мы все трое провели детство вместе. Иван утонул в Чепце. Покойся в Люме, он Нина тебе был дедом. Второй сын, младший, у бабы-Жабы – был мой отец. Кельдышев Владимир Фёдорович. Он тоже закончил два класса. Вначале работал в деревне, а затем зоотехником в Пудемском совхозе «Кормовик». Он жену привёл втихаря с вечеринки. Звали её Зоя, это была моя мама Киреева Зоя Ивановна. Она была очень красивая и одна дочь у родителей, остальные сыновья. Её называли даже Анной Карениной. Она была вторая сноха у бабы-Жабы. Жили два сына и две снохи в одном доме. Она носила фамилию своего отца, потому что они были не зарегистрированы. Отец моей мамы тоже был куплен из Кировской области город Омутнинск только в другой дом. Он был тоже русский. Фамилия его была Киреев, звали Иваном. Его купили в очень богатую семью. Их звали Чапаевцами. У них была своя маслобойня - выделявали льняное масло. Имели много золота. Когда вырос Киреев Иван, мамин папа, он построил отдельно свой дом. И назвали их «Макар Ваня». Женился на удмуртской девушке из Люма. Детей было много, жили только четверо. Старший сын Степан умер, второй Микаль – давно погиб на фронте. Дочь Зоя и младший сын Арсений живы. Арсений вернулся с фронта, уехал в Свердловск, там женился на русской

девушке. Взял к себе отца. Их уже нет в живых. Все покоятся в Свердловске. В том доме, куда был куплен Киреев Иван (Макар Ваня) осталась мать его и сын Чапай. Её сын Чапай женился и родились у него двое детей. Сын Чапай Толя и дочь Чапай Фриза. Эта прабабушка прожила 106 лет. Я её помню хорошо. Глаза большие, голубые, плохо видели уже, а сама была уже маленькая. Мы с Милей часто к ним ходили и подшучивали над ней.

Судьба этого дома такова. Сам глава семьи, звали его Чапай, погиб в Великой Отечественной войне. Бабушка 106 летняя умерла. Остались в доме сноха её с детьми. Во время войны на сенокосе началась гроза. Она литовку положила от себя далеко. Взяла свою дочь Фризу на колени и уселась под ёлкой, а остальные рабочие уселись все на другом месте. Ударил молния, дочку отшибло далеко от неё, а сама тут же скончалась. Остались в доме только дети. Сын Чапай Толя и дочь Чапай Фриза. Дети подросли, выучились, дом продали, а сами уехали. Наследство им никто не успел передать, где захоронено золото, остались ни с чем. А тот, который купил их дом обогател. Их дом купил Жабинский же Пескар Толя.

Баба-Жаба долгую жизнь прожила со своим свёкром в нашем доме. Держали для себя пчёл, пчеловодством занимался прадед Миша. Полное подворье было домашних животных и птиц. Особенно у бабы-Жабы было много индюшат, до 40 штук. У меня до сих пор в ушах их говор. Так как она была очень

ласковая и трудолюбивая, животные тоже ей отвечали добром. Индюшата очень нежные. Им нужен был особый уход. Для овец она ломала березовые ветки и на себе таскала столько, что мы с ней связали однажды 14 пар. Она нас редко называла по имени, а обращалась только ласковым словом: «Гыдыке», «Гыдышкае».

Когда умирала Юля, она так сильно переживала, что не находила себе место куда себя деть. То в печку русскую залезет, то на печку поднимется. Видимо у неё на нервной почве начался озноб, и вся она дрожала. Это было всё на моих глазах.

В жизни она очень много горя перенесла. Рано умерла её мать (осталась сиротой в 5 лет). Рано умер муж Федор, умерла внучка Юля, сын Иван утонул в Чепце, свекор Миша умер, не дойдя до дома, младший сын Володя скоропостижно скончался на работе. Вот сколько горя она перенесла за свою жизнь, другой бы очерствел, закрылся в себе. Доживала со своей снохой Съёдкиром. Дочь Марья жила с семьей своего сына Вени, вскоре они все переехали в город Глазов. Внучки разъехались. Прожила 100 лет. Вечером легла спать, утром не проснулась. На похоронах все мы были. Покоится в посёлке Пудем.

Моя, милая, добрая, бабуля!

Я приду к тебе на могилу,

И всем сердцем тебе поклонюсь.

Крепко крест твой к груди я прижму,

И с тобой поговорю.

Нина! По наследству у нас или по закону у нас должна бы быть фамилия Токаревы – по прадеду, а не Кельдышевы. Так как вся деревня была Кельдышевы, поэтому видимо нас тоже записали Кельдышевы. А я в документах видела все паевые или членские книжки у взрослых были Токаревы.

Воздух отчего дома.

74 года жизни! А память всё чаще и чаще переносит на берег родной Чепцы! Как явственно ощущается запах луговых цветов, вкус сладкой травинки. Но главное... воздух: чистый, пьянящий, придающий бодрость силы.

Я родилась в Удмуртской деревне «Жаба». Моё детство прошло здесь, на живописном, красивом, весёлом месте, на берегу реки Чепцы. В то время деревня была большая 80-100 домов. Дома стояли на южной и северной стороне. Наш дом стоял на южной стороне, посередине деревни, все окна смотрели на юг. Из нашего окна была видна река Чепца. Народ был дружный, весёлый, приветливый, но отсталый, тёмный. Дореволюционные крестьяне большинство были неграмотные, в том числе моя бабушка со стороны отца и моя мама. В то время школы в нашей деревне не было, а в другой деревне хотя и была, родители детей не отпускали - особенно девочек. Надо было прясть, ткать и шить одежду. Прошли годы, деревню нашу переименовали в Гордь Яр. Прошла революция. В нашей деревне появилась начальная школа. Дети стали учиться, Я тоже училась в этой школе. Моя первая учительница была Капиталина Тимофеевна. Народ стал грамотный. Жить стало веселее.

Затем началась война Мужчины ушли на фронт. Остались одни женщины и дети. Во время войны женщинам досталась тяжёлая доля. Когда начинался сенокос, а луга были на той

стороне Чепцы, люди дружно строили мостик – временку из ивовых прутьев, чтоб перейти Чепцу. Мне этот мостик запомнился на всю жизнь. Когда я по нему проходила, он качался, ходил ходуном. Было очень страшно. На лугах росли яркие цветы – щавель, пиканы, красная смородина. Раздолье для голодных ребятишек. Когда начинался сенокос, люди шли такие нарядные, как луговые цветы. Шли с песнями, возвращались с песнями, несмотря на то, что была война. Воздух был чистый, свежий, народ дружный, приветливый. Работали в ручную, одни женщины, техники не было. Я тоже своей любимой земле отдала частичку труда. Ходила полоть поля. Собирала колоски после жатвы. Кончилась война. В нашу деревню вернулись только двое. Фронтвик с одной ногой (Куася-Аркаш), а второй из плена (Арсен).

Мой отчий дом назывался Мишины (Мишаос) по имени прадеда Миши. В нашем доме мужчины мало жили - умерли рано. Остались одни женщины – долгожители. У моей мамы у отца мать прожила 106 лет. Моя бабушка со стороны отца 100 лет. Её дочь 93 года. Моя мама 87 лет. Моя тётя Клава Съёдкир 82 года. Все женщины в нашем доме рано овдовели и были однолюбы. Я свой дом очень любила, и так же очень любила свою бабушку. Во время войны женщин на долго отправляли на лесозаготовку. На строительство железной дороги Балезино – Ижевск. Я оставалась с бабушкой дома. Она была очень ласковая,

весёлая, разговорчивая, добрая, трудолюбивая, крепкая, сильная. Она любила людей, люди её. У неё на всех хватало сердца и ласки. Ни минуты не сидела без дела. У неё был большой авторитет среди народа. Возле нашего дома никто не проходил мимо, все кланялись ей, останавливались. Кто в дом заходил, кто под окном останавливался. Беседовала с ними, давала советы. Она для нас и для своих детей была образцом. Она была очень сердечная, добродушная. Когда к нам приходили, она всех угощала, а если к нам приходил нищий (Шебель-Педор) из Люма, она у порога не держала, а садила за стол и угощала, как родного гостя. Она была очень крепкая, сильная, никогда не болела. Её труд закалил, и прожила 100 лет. Вот какая была бабушка!

После войны жизнь людей в корне изменилась. Неграмотных было уже мало, народ стал культурный, многие получили техническое образование. Дети пятидесятых годов учились в сельхозтехникуме, получили специальность механика, агронома, тракториста. Некоторые учились в медшколе по специальности медсестра, акушерка. Послевоенные дети подросли, научились мастерить лодку, и через Чепцу переплывали на лодках. Я очень благодарна сельским труженикам, которые работали на моей любимой земле, отдавая всю душу. Я очень любила и люблю свою деревню, скучаю, часто вспоминаю. Моя деревня ещё живёт. Осталось 15 дворов. Я очень

хочу, чтобы она вечно жила, пока есть жизнь. Не уничтожайте мою деревню!

Я люблю свою деревню,

Часто вижу я во сне,

Ты моя любимая,

Когда мы встретимся с тобой?

При встрече со своими земляками, такая радость бывает, словно повидеешься с родной матерью. И надолго остаётся в душе тепло встреч. Я давно уехала в Глазов. Но и сегодня зовут меня к себе яркие воспоминания детства, юности, воздух отчего дома.

Бывшая жительница деревни «Жаба» ныне «Гордь Яр» Кельдышева – Филиппова Лидия Владимировна (Миша-Лида).

Песни и стихи на удмуртском языке

Жаба гурт сярысь кырзан

I

Кычэ потэ, кычэ потэ,
Вордскем местаме адэме.
Кычэ потэ, кычэ потэ,
Жаба гуртме адэме.

II

Жаба гуртыш мон вордски,
Вотка вылын мон будй,
Туж шулдьф деревняе,
Чупчы дурын со сылэ.

III

Коркае чебер өвөл,
Пиосьёс отын өвөл,
Косякким Чупчы адске,
Шумпотытэ со монэ.

IV

Чупчы дурэ мынысько,
Отысь возьвыл адаысько,
Сяськаос отын будо,
Мон соосты октысько.

V

Ѓужез шунды кадь шунтэ,
Тодьез сайкыт каре,
Гордэз яратон вае,
Чагырез шумпотытэ.

VI

Ѓушни отысь шедьтысько,
Мон сое сийысько,
Гуж ческыт со потэ,
Мынам кӧты соин тырэ.

VII

Пыдлогес ке пырысько,
Горд сутэр но сийысько,
Со мыным визь сётэ,
Синьёсме ик бэрэктэ.

VIII

Кисьтаськысь песок вылын,
Мон кема кыллылысько,
Чупчыям пыласькысько,
Сэрэ гуртам кошкысько.

IX

Гурт нимыд воёкиз тышад,
Гордь Яр шуо ни тонэ,
Мон но воёки и таре,
Улыны кошки Карэ.

Х

Жаба гуртме эн быдтэ,
Монэ эн вунэтэ,
Миша-Лида мон вал,
Корка нимы озьы вал.

ХІ

Мон тонэ яратысько,
Уй вöтам но адзисько,
Тон мынам лул сюлэмы,
Ку ачимес адскомы?

«Палэзь сярысь» (Песня)

Пичи дыр'ям палэзь пуктй,
Мон сое будэтй,
Косяк улам со будэ,

Со монэ яратэ.
Пельдорам ик со лыктэ,
Маке верамез потэ,
Учкысько мон со вышэ,
Пукты дорам шу шуэ.

Шу татын уз буды,
Шудэд шуэн уз луы,
Со тонэ быдтоз,
Ваменак тонэ чигоз.

Тон монэ яратыськод,
Пельдорам ик лыкгыськод,
Щумпотыса учкысько вылад,
Палэздэ сиысько сайкак.

«Ошмес сярысь» (Стихотворение)

Жаба гуртын мон вордски,
Война вылын мон будй,
Война выльш куазь пось ульз,
Пось куазен сю куасьмыльз.

Эсьняпиос дорын ошмес бызе,
Корка нимзы соослэн озьы,
Мон со доры ветлылй,
Кезьыт вузэ юылй.

Туж сайкыт солэн вуэз,
Ошмеслэн ческыт вуэз.
Кычэ со кисьтаське,
Асмё ик со возьматэ.

Мон чем со доры ветлылй,
Быземзе солэсь кылскылй,
Вузэ коркам нуылй,
Чай соин пöсятылй.

«Шунды сярысь» (Стихотворение)

Вазь ёкна шунды потйз,
Со монэ сайкатйз,
Йырме, бамме маялтйз,
Со монэ шунтйз.

Коркаме но со шунтэ,
Югыт но сое карэ,
Шумпотытэ со монэ,
Султы ни мыным шуэ.

Султэм бэрам педло потй,
Шунды мынам бёрсям ветлйз,
Гордь, гордь бамме кариз,
Собере со пуксиз.

Шундыез яратоно,
Шундылы тау кароно,
Инмар сое аслэм сётйз,
Дуннеын улыны косйз.

«Бубыли сярысь» (Стихотворение)

Бакчаям мон потй,
Бубыли отысь адзи,
Туж чебер со потйз,
Кутэме сое потйз.

Лобаса улэ дорам,
Кышкаса учке выдам,
Эн кут шуэ монэ,
Шумпотыто мон тонэ.

Кема лобаса уйиз,
Мынам вылам учкиз,
Дорысьтым кошкиз,
Кыдёке... лобиз.

«Кучкыла сярысь» (Стихотворение)

Кучкыла! Кучкыла!
Малы тынад кузь кыл нимыд?
Тынад кылыд кузь вылэм,
Соин нимыд озы вылэм.

Моно тонэ сиисько,
Кылме кузь поттысько,
Сялае ик потэ,
Синьёсме ик берыкгэ.

Кучкыла! Кучкыла!
Туж чырс тон вылэм,
Тынад кылыд кузь вылэм,
Соин нимыд озы вылэм.

«Узы сярысь»

Шунды потйз,
Гужем вуиз,
Шунды шунтйз,
Узы вуиз.

Нюлэсэ мон мынй,
Узыез отысь адзи,
Ватскемен монэным шудо,
Ми татын... соос шуо!

Йырьёссэс мыкыртыллям,
Турын пöлы ватскыллям.
Чур! Мон тонэ шедьтй!
Корзинаям мон понй.

Лузьёс дорам лобало,
Монэ соос куртчыло,
Шумпотыса октысько,
Вось ке но, мон чидасько.

«Чупчы»

Чупчые! Чупчые!
Малы тон курекьяськод?
Тынад вуэд кисьтаське,
Монэ но со возматэ.

Мон вуад пыласькысько,
Уясько но, омырскысько,
Чорыгьёс но пыласько,
Пыдбордам ик лякысько.

Тонэ уг ни жаляло,
Оломар но киськало,
Вуэд пож потэ ни,
Чорыгьёс но быро ни.

Чупчые! Чупчые!
Тау тыныд карысько,
Дорад чэм ветлысько,
Тон монэ возмаськод.